

# БОЛЬШЕВИК

# БОЛЬШЕВИК

---

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                               | <i>Стр.</i> |
|-------------------------------------------------------------------------------|-------------|
| Наши задачи . . . . .                                                         | 3           |
| Л. Каменев. Ленин . . . . .                                                   | 7           |
| Г. Зиновьев. Ленинский призыв и наши задачи . . . . .                         | 14          |
| В. Астров. К вопросу о кулаке . . . . .                                       | 22          |
| А. Слепков. К третьей годовщине Кронштадтского мятежа . . . . .               | 34          |
| И. Степанов. „Истинное христианство“ в откровении тов. Луначарского . . . . . | 48          |
| Ил. Вардин. Меншевики и РКП . . . . .                                         | 56          |
| И. Краваль. Денежная реформа . . . . .                                        | 71          |
| М. Тацин. Советский союз и буржуазные государства . . . . .                   | 79          |
| В. А. Внутреннее обозрение . . . . .                                          | 90          |

### ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

|                                               |    |
|-----------------------------------------------|----|
| Письмо Г. В. Плеханова В. И. Ленину . . . . . | 95 |
| В. И. Ленин и РКП . . . . .                   | 98 |

### МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ.

|                                                                  |     |
|------------------------------------------------------------------|-----|
| Макс Левин. Новый курс германской компартии . . . . .            | 100 |
| Стюарт. Рабочее правительство в Англии . . . . .                 | 112 |
| Войтинский. Партия Гоминдан и китайская революция . . . . .      | 115 |
| Тивель. Вопросы индийской революции . . . . .                    | 119 |
| Зеликман. Рабочее движение в капиталистических странах . . . . . | 122 |

### КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

|                                                                    |     |
|--------------------------------------------------------------------|-----|
| В. Астров. „Деловая оппозиция“ и ревизия ленинизма . . . . .       | 129 |
| Ил. Вардин. Маленькая книжка с большими ошибками . . . . .         | 133 |
| А. Слепков. Борьба классов и русская историч. литература . . . . . | 139 |
| Н. Карев. Энчмениада . . . . .                                     | 141 |

---

Главлит 19.086

Тираж 15.000 экз.

---

Типогр. „Красный Пролетарий“ Издательства „Красная Новь“, Пименовская, 1/16.

## Наши задачи.

---

«Большевик» выходит в свет после того, как навсегда закрыл глаза Ленин — создатель большевизма. Без Ленина коммунистическое движение будет продолжать великую борьбу и работу по свержению буржуазного господства, по утверждению пролетарской диктатуры и коммунистического строя.

История, как бы «нарочно», поставила коммунизм перед небывало суровыми испытаниями. История как бы говорит коммунистам: вот страна отсталая, неграмотная, нищая, разоренная, с гигантским преобладанием непролетарских элементов,—здесь стройте социализм, здесь докажите, что даже при небывало трудных условиях сможете вы прочно закладывать фундамент нового мира. Если грядущее ваше, — идите к своей цели, несмотря ни на что!

Мировой капитал раскинул по суровым равнинам России гигантскую сеть фабрик и заводов. На полуварварской российской почве он создал пролетариат, который еще в начале 20-х годов Г. В. Плеханов сравнивал с молодым гигантом.

Со стихийным движением этого молодого гиганта соединилась революционно-марксистская программа, и в результате создался российский большевизм.

Его программные, тактические и организационные основы были заложены и в общих чертах оформлены уже в десятилетие, 1894 — 1904 годы. Бся дальнейшая история большевизма есть история борьбы за руководство, за гегемонию в единой с меньшевиками партии, в рабочем классе, во всей стране. Главнейшие корни большевизма имеют тридцатилетнюю историю. За тридцать лет эти корни крепили и ширились, но не перерождались, не изнашивались. Большевизм не «старится», как не может состариться пролетарская революция, пока она не переделает весь мир.

Основная наша задача — это защита и обоснование исторического большевизма, борьба против всяческих попыток искажения и извращения его основ.

Международный социал-демократический центр (Каутский, Бауер, Гильфердинг, Лонге, Аксельрод) специализировался на том, что именем Маркса искажает и опошляет марксизм. Уже теперь мы имеем попытки—именем Ленина исказить и опошлить ленинизм. Уже теперь производится покушение на самое ценное достояние мирового рабочего класса—на чистоту принципов ленинизма. Здесь мы будем вести самую беспощадную борьбу. Никому и никогда российские большевики не позволят «приспособить» ленинизм к оппортунизму, независимо от того, являются ли подобные попытки результатом злостных искажений или добросовестных заблуждений.

Долой обывательщину в политике! Только партию беречь, только ю партии беспокоиться непрерывно, не останавливаясь ни перед чьим авторитетом, когда речь идет об уклонах от ленинизма, когда вопрос касается интересов партии! Этому учил нас Ленин, этим правилом надлежит руководствоваться всем большевикам.

«Большевик» хочет быть боевым органом Ленинской партии, органом направления, тем, чем были в свое время «Вперед», «Пролетарий», «Звезда».

Мы были, есть и будем твердокаменными. Кто устал от тяжелых битв, кто уже мечтает о спокойной пристани и тихих берегах,—тому с нами не по дороге... Большевизм был, есть и будет армией беспощадной, ни на час не прерывающейся войны против старого мира. Условия и формы войны меняются, непримиримость и ненависть наша к миру рабства и угнетения—не изменится никогда... В духе большевистской ненависти к старому миру, в духе непримиримости, твердокаменности, стойкости будем воспитывать мы новые, молодые кадры «ленинского призыва». Мы будем бороться против ликвидаторства, отреченства, скептицизма, неверия, усталости.

Мы хотим быть органом всегда пытливой, критической, большевистской партийной мысли. Беспокойство за наше великое дело, неудовлетворенность тем, что есть, и вечное стремление к тому, чтобы сделать лучше. Постоянная самокритика, смелая, беспощадная, но всегда правильно распределяющая свет и тени, ибо, ведь, несмотря на все наши недостатки, мы—лучшая партия в мире, мы представляем самый передовой в мире класс, и будущее только нам принадлежит.

Да, грядущее только нам принадлежит, но строим мы его на старой почве и из материала, старым миром оставленного. На каждом шагу мертвое хватает живое и тянет назад...

«Большевик» будет бороться против косности, ограниченно-

сти, самодовольства. Великое дело только начато, коммунизм — весь в будущем, и его работники не могут, не смеют успокоиться на том, что есть. В грядущее надо глядеть, о великих мировых целях и задачах нужно помнить. Ибо кто не идет вперед, тот неизбежно катится назад.

Перед пролетариатом капиталистических стран на ближайший исторический период стоит задача борьбы за власть. Для успешного разрешения этой всемирно-исторического значения задачи необходимо усвоение и применение к условиям конкретной обстановки великого опыта русской партии и русской революции.

Наша российская борьба и победа опирались на опыт борьбы английского, французского, немецкого рабочего движения. Применяв этот опыт к своеобразным условиям России, обогатив этот опыт новыми достижениями, новыми орудиями пролетарской борьбы (всеобщая стачка, восстание, Советы, фабзавкомы, пролетарское государство, Красная армия и т. д.), российские рабочие подняли пролетарское дело на небывалую доселе высоту.

Этот концентрированный опыт вековой пролетарской борьбы должен быть усвоен коммунистическим движением мирового пролетариата. Без этого не может быть успешной борьбы и победы. И поскольку на данной стадии исторического развития большевизм является олицетворением этого концентрированного опыта, постольку в известном смысле большевизация мирового коммунистического движения является насущной задачей момента. Впервые слово о «большевизации» было сказано немецкими коммунистами. Недавний пленум ЦК КПГ заявил: «Лозунгом Коминтерна должно быть не разбольшевичение РКП, а обольшевичение европейских партий».

Одна часть мировой буржуазии, при деятельном участии социал-демократии, снова пытается вильсонизировать Европу, чтобы «демократическим» путем упрочить всевластие капитала. Другая часть буржуазии, также при содействии социал-демократии, пытается фашизировать Европу, чтобы беспощадными мерами военно-погромного подавления рабочего класса утвердить полновластие капитала. В интересах спасения пролетариата, спасения всех трудящихся, коммунисты должны неустанно работать над тем, чтобы большевизировать Европу.

Мы обращаемся к нашей славной большевистской партии, к ее старым испытанным кадрам, к ее растущему молодняку, мы обращаемся ко всем работникам мирового коммунизма — с просьбой связаться с нами теснее, делиться мыслями и опытом, сооб-

щать о своих сомнениях, выдвигать новые проблемы, намечать решения.

Мы хотим быть органом оживления, усиления, укрепления партийной мысли, органом проявления идейной самостоятельности партии. Вопросов так много, работы такая пропасть, трудности так колоссальны! Мы подняли на свои плечи гигантскую тяжесть. Мы нанесли старому миру слишком большой удар, чтобы он мог дать нам хотя бы передышку. Бесперывная борьба на всех фронтах продолжается. Поэтому — сегодня надо быть сильнее, чем были вчера, и завтра надо быть сильнее, чем сегодня.

Сильнее и крепче на всех фронтах — политическом, военном, хозяйственном, идеологическом!

---

## Л е н и н.

---

С концом XIX столетия кончается последний период «мирного» органического развития капиталистического общества, — период, начавшийся в крови Седана и парижских коммунаров. Новый XX век открывает период политических и социальных катастроф: войны, национальные революции (русская 1905 г., турецкая, китайская, персидская, португальская), колониальные восстания, национальные столкновения, перестройка государственных границ идут непрерывной чередой и во втором десятилетии сливаются в мировую войну и мировое возмущение пролетариата. Азия и Африка втягиваются в общее движение, и новые сотни миллионов людей в революционных формах выступают на историческую арену.

В этой обстановке происходит крушение величайшей европейско-азиатской монархии Романовых. Именно этой международной обстановкой, обстановкой приближающегося крушения всего капиталистического общества, объясняется важнейшая особенность русской революции: сближение, почти полное слияние краха полицейско-крепостнического государства и крушения господства капитала (1905 г. — февраль 1917 г. — октябрь 1917 г.). Эта особенность хода революционного движения в России не могла явиться результатом той или иной программы, той или иной политической партии. Она была результатом своеобразного сочетания национальных особенностей русской экономики (слабость национальной буржуазии, социальная мощь пролетариата крупных фабрично-заводских центров, революционное положение крестьянства, убедившегося на деле, что оно может получить земли крепостников-помещиков только из рук пролетариата, захватившего власть) с обстановкой мирового состязания крупнейших империалистических держав и революционным пробуждением Востока.

Вот в этой-то атмосфере подготовки и развития величайшего массового революционного подъема, шедшего ко все более и более острым формам борьбы, на переломе двух всемирно-исторических эпох, в стране, соединяющей властвующую Европу империалистов с миром поработенного Востока колониальных рабов, — и мог только воспитаться и вырасти теоретический руководитель и практический вождь мирового пролетариата в его восстании против буржуазии.

После того, как гений Маркса, опиравшийся на революционные традиции классических буржуазных революций и на революционный опыт 40—60-х годов, заложил основы программы и тактики мирового рабочего движения, Германия, Франция, Англия, отчасти и Россия дали рабочему движению первоклассных ученых, пропагандистов, популяризаторов, агитаторов и организаторов. Никто, однако, из этой великой плеяды работников рабочего дела (Бebel, Жорес, Гэд, Адлер, Плеханов), не перешел той грани, которая отделяет эпоху обучения, просвещения и собирания сил рабочего класса от эпохи штурма буржуазных твердынь старого мира. Для новой эпохи они оказались мертвы— и это стало ясно уже задолго до 4 августа 1914 года.

Ясная формулировка новых задач и тактики новой эпохи в мировом рабочем движении была выработана не на кафедре германского рейхстага, не на трибуне французских рабочих собраний, не в правлениях английских тред-юнионов, не на страницах «Neue Zeit», а на подпольных собраниях русских пролетариев-революционеров, где Ленин обсуждал и взвешивал тактику борьбы против царизма, опиравшегося на все силы международного капитализма.

Тактика, здесь обсуждавшаяся, задачи, здесь формулировавшиеся, не могли замкнуться в узко национальные рамки, рамки Российского государства, уже потому, что враг, против которого велась борьба, черпал свои силы во всей мировой организации капитала. Французская биржа и английский империализм, связавшие прямым союзом свои судьбы с русским капиталом и властью русской буржуазии, сами толкали мысль передовых русских революционеров на международную арену, заставляли их ставить все вопросы своей борьбы в мировом масштабе. Милюков, Керенский и Церетелли, торжественно подтвердившие верность союзникам царизма, ничего не изменили в этом отношении: всемирный размах мысли, включение в сферу своих непосредственных интересов вопросов и проблем мирового пролетарского движения навязывались руководителю русского пролетариата самым историческим положением России за последние 25 лет больше, чем представителю рабочего движения какой бы то ни было другой страны.

17 лет назад, в эпоху первой Думы, самый сильный, самый умный (и потому наиболее ценимый Лениным) идейный противник Ленина Г. В. Плеханов спрашивал Ленина: где в его программе гарантии от реставрации? — Ленин отвечал: «Полной гарантией от реставрации в России (речь шла о гарантиях при победе демократической революции) может быть исключительно социалистический переворот на Западе. Другой гарантии нет и быть не может... Чтобы удержать за собой победу, чтобы не допустить реставрации, русской революции нужен нерусский резерв... Есть ли такой резерв на свете? Есть: социалистический пролетариат на Западе... Вопрос сводится к тому, как именно и чем именно может революция в России облегчить или ускорить социалистическую революцию на Западе».

Это сказано не в 1920, не в 1917, не в 1914, а в 1906 г. И как не случаен этот ответ, как не случайно то, что отсталая земледель-

ческая Россия стала первой страной социалистической революции, так не случайно, что революционное учение Маркса, извращенное и охолощенное оппортунизмом вождей на Западе, в руках Ленина вновь стало тем знаменем, под которым пролетарии «штурмуют небо», т.-е. тем, чем его создал и что в нем видел сам Маркс.

Историческая обстановка в Европе 1870 — 1900 гг. сложилась так, что учение Маркса в руках его учеников стало больше всего орудием объяснения хода исторического развития и прогноза светлого будущего. Те элементы этого учения, которые звали к непосредственному революционному действию масс, которые заключали в себе не объяснение истории, а руководство для восставшего против буржуазии пролетариата, забывались и выветривались. Для русского пролетариата дело обстояло не так: на очереди дня стояло именно восстание, и он воспринял учение Маркса целиком, принужденный отстаивать против укоренившегося оппортунизма в особенности те черты учения Маркса, которые под презрительной кличкой «бланкизма», «заговорщичества», «утопизма» отвергались западно-европейскими мещанами от социализма, а вслед за ними и русскими оппортунистами-социал-демократами.

Для Ленина теория Маркса также непреложна и целостна, является таким же ничем не заменимым орудием анализа, как основные алгебраические формулы для строителя-инженера. Ее практические выводы (учение об обострении классовой борьбы, о гражданской войне, о диктатуре пролетариата, о государстве), которые делают его учением боевого, воинствующего класса, которые зовут к наступлению, именно в работах Ленина получили ту разработку, которой не могли, не хотели дать западно-европейские теоретики: для них в эпоху после 1870 г. это было просто не интересно. А Ленин именно за эти части учения Маркса вел бесчисленное количество войн с оппортунистами всех стран и всех мастей. Когда в 1901 г. Ленин писал, что социалистическая организация должна быть готова к «подготовке, назначению и проведению всенародного вооруженного восстания», среднему социал-демократу Европы это не могло не казаться порождением варварски-отсталых условий борьбы в России. Но внимание к этим именно вопросам, сочетание марксизма с непосредственно-революционным движением широких масс сделало то, что когда вопрос о восстании пролетариата стал на очередь дня во всей Европе, масса европейских рабочих именно в статьях, в работах и в опыте Ленина должны искать ответов на насущные вопросы своего движения.

Страстное отстаивание боевых выводов учения о классовой борьбе, тех выводов, что вольно и невольно притуплялись в предшествующую эпоху, беспощадная борьба с малейшим отступлением от революционной теории, постоянная готовность остаться одному против «всех» — против «всех» на верхушках, за то в теснейшем единении с подлинными рабочими массами, — во имя «ортодоксального», т.-е. революционного марксизма, — вот та новая струя, которую в первую очередь внес Ленин в теорию и практику мирового социалистического движения. «Сектантство»

и «раскольничество» — так пытались клеймить тактику Ленина мещане. Исторически же «сектантство» и «раскольничество» Ленина были только необходимым и неизбежным средством отстаивать и развивать те именно непосредственно-революционные стороны марксизма, которые стали живой водой для мирового пролетариата к концу империалистской войны.

И Каутский, и Плеханов, и Гэд вели великолепную и плодотворную борьбу с оппортунизмом Бернштейнов и Милберанов. Ясно, однако, что плоскостью и захват этой борьбы были другие. Отстаивая в ряду с Каутским — (аграрный вопрос) — и Плехановым — (философия марксизма) — основы Марковского учения, Ленин поставил на очереди сначала в русском, а затем и в международном движении те вопросы непосредственного массового движения, которых те споры не затрагивали. Из сферы общих вопросов капиталистического развития и парламентской тактики вопросы были перенесены в сферу непосредственной борьбы восставшего и восстающего против капиталистического общества пролетариата — и тут-то оказалось, что непроходимая пропасть лежит не между Плехановым, Каутским, Лениным — с одной стороны — и Бернштейном — с другой, а между Лениным — с одной стороны — и Плехановым, Каутским, Гэдом и Бернштейном — с другой. В тяжелой, «сектантской», «раскольничьей» двадцатилетней борьбе Ленина начала новой теории и новой тактики новой всемирно-исторической эпохи боролись и в борьбе росли против лучших представителей умиравшего периода истории рабочего движения. Мертвое хотело заглушить живое, но живое выжило и победило, и через головы живых мертвецов протянуло руку вечно-живым коммунарам Парижа и заветам Маркса.

Как бы в предвидении этой борьбы Ленин писал еще в 1901 г.: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступаться в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не примирения». Это было верно в 1901 году, это верно и сейчас.

Если новая постановка новых вопросов теории и практики рабочего движения есть одна сторона того, что внес Ленин в мировое пролетарское движение, то новое отношение к роли масс в историческом строительстве является другой стороной того же.

И к этому вопросу необходимо подойти исторически. С 1848 и по 1905 г. — за исключением краткого периода Парижской Коммуны — массы трудящихся в Европе не появлялись на улицах ее благоустроенных городов в качестве хозяев и строителей жизни. Парламентарии замещали народ, а парламентские столкновения — уличную борьбу. Вопрос о власти, о насильственном перемещении властей из рук одного класса в руки другого был снят с очереди. Социалисты опирались на пролетарскую массу, но в качестве парламентариев и членов правлений союзов предпочитали действовать за нее, больше всего

избегая ее непосредственных активных действий. На этом пути официальная социал-демократия зашла в тупик. Затаившая атмосфера этого тупика заставила Розу Люксембург года за 1½ до войны забить тревогу и вновь выдвинуть вопрос о непосредственных «массовых действиях» рабочего класса. Между тем русский пролетариат с начала века жил в атмосфере непосредственных массовых действий, прямых столкновений с охранителями государственного порядка, а в 1905—6—7 годах неоднократно оказывался победителем в этих столкновениях и хозяином улицы. Он знал, что именно его массовыми открытыми действиями решается вопрос о власти, и что нет других способов решить этот вопрос. Вопросы о непосредственной активности масс, о их самочинной свободно-складывающейся организации, о сочетании политической и экономической борьбы, о захватном осуществлении «свобод», о захвате власти в центре и в отдельных городах бастующими, демонстрирующими и вооруженными рабочими были самыми насущными, практическими вопросами движения. Практика этого самочинного, ломающего легальные рамки, идущего к захвату власти, массового активного движения пролетариата нашла в Ленине своего выразителя. Он предвидел его теоретически, взвешивая в начале 900-х годов возможные формы борьбы пролетариата, он защищал его в 1905—7 гг., он отстаивал традиции именно этого движения в глухую пору реакции 1908—12 гг., он опирался на него, чтобы вырвать власть из рук буржуазии в 1917 г., он положил его — и теоретически и практически — в основу строительства первого пролетарского государства.

Недоверие к кромсанию законопроектов парламентскими болтунами и абсолютная уверенность в том, что только непосредственное участие в историческом строительстве самих поработанных миллионов трудящихся способно вывести человечество из тупика — естественно укрепились в этой обстановке и стали исходным пунктом всей дальнейшей тактики Ленина. А только это и могло быть исходным пунктом всякой успешной политики в тот момент, когда мировая война вызвала к исторической жизни миллионы наемных рабов капитала. Именно в подобной теории больше всего нуждался мировой пролетариат, оказавшийся перед разбитым корытом надежд «реформистов» на смягчение противоречий и мирное перерождение капитализма в социализм. «Наступает — писал Ленин в 1906 году — период непосредственной политической деятельности «простонародия», которое попросту, прямо, немедленно ломает органы угнетения народа, захватывает власть, берет себе то, что считалось принадлежащим всяким грабителям народа, одним словом, когда именно просыпаются мысль и разум миллионов забитых людей, просыпаются не для чтения только книжек, а для дела, живого человеческого дела, для исторического творчества».

Написать эти слова в 1906 году значило переместить весь центр тяжести понимания европейского социализма, значило открыть новый период пролетарской борьбы, значило указать основные руководящие принципы тактики пролетариата, пере-

ходящего от предварительного собрания сил к восстанию против капитала.

На почве этого абсолютного доверия к историческому творчеству трудящихся масс, творящих новый мир — по слову Ленина — со всей своей «девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью», — разрешена Лениным труднейшая для современного мирового движения пролетариата проблема — проблема власти, вековыми усилиями попов, юристов, государственных людей, профессоров и поэтов закутанная во все обманы мистики и метафизики.

«Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно при помощи доверия огромной массы, исключительно тем, что привлекала самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытного, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты — рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты — наш товарищ. Выбери своего депутата, сейчас же, немедленно выбирай, как считаешь удобным, — мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего совета рабочих депутатов, крестьянского комитета, совета солдатских депутатов. Это — власть открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли».

Пролетариат России, Финляндии, Венгрии, Германии в 1917—20 гг. на деле стал осуществлять эти слова 1906 г., казавшиеся тогда неслыханной ересью и бывшие на деле предвидением единственно возможных и неизбежных форм государственного строительства пролетариата, восстающего против старого мира.

Все государственное искусство Ленина в том, что он знал, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, что у пролетарского государства нет иных интересов, кроме интересов этих миллионов, что они сделают в сотни раз лучше, чем самая революционная канцелярия, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю донизу, до дна в государственную работу.

На это глубокое доверие к коллективному разуму трудящихся опиралась та воля к победе, без которой В. И. Ульянов не стал бы Лениным, и без которой дело ленинизма не могло бы осуществиться. У Ленина воля к победе, готовность взять власть не были чертой индивидуального характера, — любуясь к власти у Ильича не было ни на один грамм; — это было выражение новых настроений миллионов, коллективного, тяжелой ценой купленного сознания их, что без решительной победы, без завоевания власти, без готовности этой властью орудовать, как рабочий орудует молотом, нет выхода из тупика. Воли к победе, решимости победить, смелости взять на себя все — все без исключения — последствия решительной победы не было в европейском социализме 1870—1900 гг. Рабский страх перед победой, социология трусов — остаются и до сих пор основным признаком мирового меньшевизма. Именно этот страх рабов перед собственной победой превращает меньшевистских

вождей — по слову Ленина — из рабов капитализма в его холопов, в хамов и лакеев своих господ.

Ленин знал: для того, что выйти на широкую дорогу, рабское движение должно прежде всего расстаться с этой психологией. «Не может быть и речи об энергичном, успешном сборе армии, руководстве ею без уверенности в том, что мы «смеем» победить», — писал Ленин. Вот почему уже накануне первой русской революции, в 1905 г., перед лицом меньшевиков он ребром поставил проблему победы пролетариата.

«Смеем ли мы победить? Позволительно ли нам победить? Не опасно ли нам победить? Следует ли нам побеждать? Странный на первый взгляд вопрос этот, однако, был поставлен и должен был быть поставлен, ибо оппортунисты боялись (-ятся Л. К.) победы, отучивали (-ают Л. К.) пролетариат от нее, пророчили (-чат Л. К.) беды от нее, высмеивали (-вают Л. К.) лозунги, прямо зовущие к ней». Если гениальностью назвать умение выразить, сформулировать и сделать общепонятными мысль и чувство, зреющие в глубинах наибольшего количества людских существ и открывающие им новые исторические пути, — то перед нами именно такая гениальная мысль, охватывающая подавляющее большинство всего человечества, формулирующая его наиболее глубокие и потаенные чувства, единственно открывающая ему дорогу к будущему.

Реальным воплощением этой гениальной постановки вопроса был знаменитый ответ Ленина на вопрос о власти на первом съезде Советов в 1917 г., — ответ, предопределивший не только октябрьскую революцию, но и победу октябрьской революции. «Он (Церетелли, или Керенский, или кто-то еще: — история, забывшая на веки ответ Ленина, уже забыла имя вопрошателя) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю — есть; наша партия от этого не отвертывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Этим, смехом и возмущением встреченным, заявлением воли рабочего класса к победе, решимости его взять на себя власть и все ее последствия открывается новая эпоха в истории социализма и рабочего движения, а следовательно, и в истории судеб человечества.

Ленин всей своей личностью, своими идеями, своей работой не только воплощал новую эпоху рабочего движения с его революционным подъемом и «волей к победе». Он — победил на деле, что было труднее.

Ленин не только указал пути победы, он удержал плоды победы, что было еще труднее.

Эту победу он завещал нам развивать и расширять. Это можно сделать, лишь вооружившись оружием ленинизма.

## Ленинский призыв и наши задачи.

Приглядываясь к тому, как складывается Коминтерн в целом, и как развиваются отдельные, наиболее важные, его секции, обобщая, в особенности, опыт нашей собственной партии—Российской Коммунистической Партии,—приходишь к заключению, что в развитии коммунистических организаций можно различать четыре следующих периода.

Первый период—процесс становления коммунистической партии. Ее развитие из недр старой социал-демократии: большинство современных коммунистических партий, в особенности те из них, которые являются ныне массовыми коммунистическими партиями, вышли из недр социал-демократии. Кризисы, связанные с переходом от социал-демократизма к коммунизму. Расколы и группировки, обусловленные этим переходом. Словом,—рождение коммунистической партии.

Второй период—борьба уже сложившейся коммунистической партии за влияние на массы, за завоевание такого влияния, которое обеспечивает большинство в рабочем классе. Лозунг «к массам» является знаменем этого периода.

Третий период—борьба за власть. Опираясь на сочувствие большинства рабочих, компартия завоевывает власть. Но на завтра после завоевания власти начинаются новые трудности. Пролетарская революция борется за свое существование. Передовые слои рабочих остаются верными коммунистической партии и в этот переходный, полный мучительных трудностей период. Широкие же слои рабочего класса временами переживают колебания. Бывают моменты, когда трудности революции отпугивают даже большинство рабочих. Это кульминационные пункты борьбы пролетарской революции за свое существование.

Четвертый период—победа пролетарской революции обеспечена, плоды революции очевидны для всей рабочей массы, главные трудности остаются позади. Те слои рабочего класса, которые колебались не раз в наиболее трудные минуты третьего периода, теперь целиком и беззаветно переходят на сторону коммунистической партии.

Большинство коммунистических партий Запада в настоящий момент находятся на пути от первого периода развития ко второму. Между тем и другим периодами существует, разумеется, ряд переходных ступеней. Заканчивается дело оформления коммунистических партий, подводится итог полосе кризисов, свя-

занных с рождением компартий, и началась уже интенсивная борьба за завоевание влияния на большинство рабочего класса.

Наша Российская Коммунистическая Партия прошла уже через оба первых периода и заканчивает третий период. Великое значение того движения, которое получило название «Ленинского призыва», в том и заключается, что оно знаменует благополучное окончание третьего периода и открывает уже, быть-может, первую главу четвертого периода.

Переходный период—период борьбы победившей пролетарской революции за свое существование—продолжается в нашей стране вот уже седьмой год. За это время не раз наблюдались серьезные колебания среди рабочего класса. Эти колебания, например, к весне 1921 года были настолько сильны, что революция висела на волоске. Слишком велики были препятствия, стоявшие на пути революции. Слишком больших жертв революции требовала в это время от рядового рабочего.

В 1923 году начинается перелом. Рабочая масса почувствовала, что в связи с окончанием гражданской войны и введением нэп'а, дело пошло к лучшему. К моменту XII Съезда партии мы имели уже возможность констатировать, что «партия как бы во второй раз завоевала пролетарские массы». Но особенно наглядным становится это теперь. Новый «Ленинский призыв» есть определенный итог революции. Партия пожинает обильный урожай потому, что благополучно заканчивается целая глава в истории нашей революции.

В течение всех первых трех периодов своего существования коммунистическая партия по правилу не может объединять в своих рядах большинства рабочих. В тот или другой момент борьбы коммунисты могут иметь на своей стороне сочувствие большинства рабочего класса. Но организовать в рядах партии большинство рабочих, иметь в числе членов компартии прямое большинство пролетариата, коммунисты в эти три периода не могут.

Причины ясны. В первый период компартия по правилу еще настолько слаба, что о завоевании большинства вообще не может быть и речи. Во второй период коммунисты обыкновенно наталкиваются на бешеное сопротивление со стороны буржуазии. Пока у власти буржуазия, она, разумеется, не даст коммунистам легально организовать в своих рядах большинство рабочих. Она прибегнет к тюрьмам, к каторге, к расстрелам, к массовым кровопусканиям, чтобы не допустить до этого. В третий период этому мешают объективные трудности революции и неизбежные колебания, в связи с этими трудностями, в широких кругах пролетариата.

В стране первой победоносной пролетарской революции, в нашей стране этот третий переходный период затянулся на целых семь лет. Насколько можно предвидеть, года два-три еще понадобится на то, чтобы окончательно изжить эти трудности. И лишь приблизительно к первому десятилетию существования Советской власти пролетарская диктатура справится с главнейшими трудностями настолько, что партия пролетарской диктатуры

сможет начать четвертый период своего существования. В ряды нашей коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие. Понятия «рабочий класс» и «рабочая партия» станут синонимами. Российская Коммунистическая Партия обеспечит себе не только безраздельное влияние на абсолютное большинство рабочих, но и прямо организует большинство промышленных рабочих в своих рядах.

Блестящая кампания в связи с происходящим «Ленинским призывом» важна не только тем, что она даст нам определенное количество новых членов партии. Нет, она говорит нам о чем-то большем: о коренной перемене во взаимоотношениях между партийным авангардом и всей беспартийной рабочей массой, о таком количественном изменении взаимоотношения между рабочей партией и рабочим классом, которое скоро перейдет в качественное изменение. За первой волной последует вторая и третья. Новые сотни тысяч рабочих будут вливаться прямо в ряды Российской Коммунистической Партии. К первому десятилетию существования Советской власти рабочий класс и Российская Коммунистическая Партия будут одно и то же—не только в том старом смысле, что Российская Коммунистическая Партия защищает коренные интересы всего рабочего класса в целом, но и в том смысле, что РКП прямо будет охватывать в своих рядах уже и организационно большинство рабочего класса.

\* \* \*

Ход кампании оказался более успешным, чем мы могли ожидать. К началу марта число заявлений по всему Союзу ССР достигло 183.000. Задача, поставленная Всесоюзной парт-конференцией—принять новых 100.000 рабочих от станка—будет превзойдена вдвое. Центральный Комитет поступит, по нашему мнению, правильно, если он поощрит все местные организации не приостанавливать столь блестяще развившуюся кампанию и доведет «Ленинский призыв до двухсот тысяч. В этом случае в нашей партии будет около 600.000 членов, из которых до 300.000, т.-е. 50%, будут составлять рабочие от станка. А вместе с теми рабочими, которые заняты в аппарате управления, мы будем иметь не меньше четырехсот слишком тысяч членов партии рабочих, т.-е. больше  $\frac{2}{3}$  партии составят рабочие.

Какие именно элементы из рабочих составили основу «Ленинского призыва?» Мы пытались выяснить этот вопрос на двух, специально созданных по нашей инициативе совещаниях в Ленинграде и в Москве, где присутствовали, кроме организаторов крупнейших коллективов, по два товарища из новых членов партии «Ленинского призыва», приглашенных с самых крупных фабрик и заводов Москвы и Ленинграда. На этих совещаниях высказывались десятки ораторов с мест.

Что прежде всего бросалось в глаза на этих совещаниях, так это то, что новые члены партии «Ленинского призыва» зачастую не просто рядовые рабочие, а крупнейшие индивидуальности из рабочей среды. Да это и понятно. Как и в предыдущие годы, партия наша составлялась путем выделе-